

МАРИЯ
УСТИНОВА

СНОВА БУДЕШЬ МОЕЙ,
ДЕВОЧКА

Мария Устинова

Снова будешь моей, девочка

<https://litres.ru/74221702>

Аннотация

– Зря ты вернулся. Все помнят, что ты натворил из-за Миланы.
– Это было шесть лет назад. – Многое изменилось, не ищи ее.
Милана замужем, у нее сын растет... Замужем?.. Сын?! Слова бьют, как кулаком в лицо. – Кто муж? – Ты не согласишься, Дим...

После службы в горячих точках спецназовец Дмитрий Травин возвращается в родной город. После жестокой истории, случившийся много лет назад, все мосты сожжены. Любимая женщина вышла замуж за врага – крупного бизнесмена и авторитета, а их пятилетний сын подозрительно похож на него... И ты снова будешь моей, Милана. Моей до последнего вдоха.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Дисклеймер

Все герои и события вымышлены, происходят в вымышленном месте. Все совпадения случайны. Книга предназначена для читателей старше 18 лет. Сцены эротики, жестокости или насилия, в том числе сексуального, употребления алкоголя или табака, нецензурная брань, и другие спорные моменты служат исключительно для раскрытия художественного замысла, присутствуют с художественными целями, и осуждаются автором.

Милана

– Вас сегодня парень искал, – официантка расставляет на столе чашки с чаем. – Я сразу не вспомнила.

– Что, какой парень?

Я поднимаю брови.

В мою скучную жизнь давно не вписывается ничего, кроме мужа, ребенка, и работы. Девчонки за столом бросают на меня любопытные взгляды. По спине идет холодок.

Зря она при всех сказала.

Рядом Юлька, наши мужья знакомы, а язык за зубами она держать не умеет. Мой обязательно узнает об этом. Офици-

антка улыбается на прощание и идет обслуживать соседний столик.

– Какой еще парень? – интересуется Юля тоном дознавателя.

Точно запомнит и передаст. Я хихикаю в ответ, чтобы притупить ее бдительность, хотя мне не до смеха.

– Она что-то путает. Ну какие парни, Юль.

Девчонки разбирают чай. Мы уже закончили обед – по чайечке, и пора на работу. Юля увлекается телефоном, и выпадает из беседы. Может, забудет. Меня беспокоит не неизвестный парень, а потенциальная реакция Глухарева на эту историю.

– Возьму пирожное, – улыбаюсь я, и иду к стойке.

– Что-то еще?

Я придирчиво рассматриваю витрину.

– Буше. А что был за парень? Он назвал мое имя?

Та качает головой, раздвигая стеклянные дверцы, чтобы достать пирожное на прозрачном блюде.

– Он пришел за вами. Затем зашел к нам и следил за окнами. Я его обслуживала. Извините, я не должна была говорить при всех?

– Ничего, – я достаю карту, чтобы расплатиться. – А как он выглядел?

– Молодой, симпатичный. Плечи широкие, и вообще фигура такая, как у военного. Был в темных очках, но у него с глазом что-то было. Как будто травма или видит плохо...

Странное выражение какое-то.

– Наверное, это ошибка, – пожимаю я плечами. – У меня таких знакомых нет.

Я ухожу к столику, допиваю чай и мы возвращаемся на работу. Мысли то и дело возвращаются к парню. Скорее всего, официантка ошиблась. Он шел не за мной. Таких загадочный знакомых у меня нет. И с военными я не знакома.

– Пойдешь на девичник в выходные? – спрашивает Юлька, пока я в прострации зависаю за компьютером.

Что за девичник – я упускаю. Так, надо возвращаться в себя.

– Какой девичник?

– Анька Тополева замуж идет в августе. Из-за того, что ее сестра в Москву уезжает, девичник переносят на эти выходные. Если хочешь, я тебя отпрошу.

Она вежливо смотрит, а мне неловко. Как всегда, когда знакомые дают понять, что знают, какие отношения у меня с мужем. Что меня не отпустят, если не «отпросить». Все видят, что на мне цепи, но делают вид, что они нормальны. Мне это не нравится.

– Нет, спасибо. С сыном иду на занятие по фортепиано. Не могу отменить. Известный педагог, с трудом нашла время.

Я вру, Юлька об этом догадывается. Но кивает. С Анькой Тополевой мы не близко знакомы, никому не кажется странным, что я не иду.

Около пяти начинаю собираться.

Ненадолго останавливаюсь перед зеркалом. Старомодном, в тяжелой золотой раме. Из-за этого моя красота тоже выглядит старомодной: волнистые темные волосы до плеч, маленький нос с пухлыми губами. Я крашусь красной помадой. Поправляю воротник блузки в форме пышного банта.

В глазах появляется поволока.

То из-за зеркала, то ли из-за моды немного в ретро стиле, я напоминаю себе второстепенных актрис в фильмах про войну. Из тех, кто провожает офицера на перроне под тревожный гудок паровоза.

Грустно улыбаюсь, набрасываю ремешок сумочки на плечо и иду темными аллеями.

Его замечаю сразу.

От стены отделяется тень и следом идет мужчина. Не пытается догнать, он словно провожает меня на расстоянии. Уже стемнело, но мне не страшно. Это центр, здесь безопасно и полно людей. И мне может мерещиться из-за богатого воображения и рассказа официантки.

Несколько раз оборачиваюсь.

Позади идут пары, одинокие люди. Но я боюсь мужчину, который двигается с края аллеи. Широкоплечий, рослый, в кожаной куртке или в чем-то подобном: я вижу отблески, когда он проходит под фонарями. Он двигается таким же темпом, как и я. Расстояние между нами не увеличивается и не уменьшается. Он подстроился к моей скорости?

Маньяк?

Мне еще нужно забрать Тима из садика. Чего-то прикупить к ужину. Дел много. Позвонить мужу? На спине появляются холодные мурашки. Ой, как не хочется. Неизвестно кого я меньше хочу видеть: Глухарева или этого маньяка. Скоро садик, там охрана, освещенная дорога.

Ускоряю шаг и перестаю оглядываться. Садик через пять минут.

Когда оказываюсь уже в дверях детского сада, внимательно окидываю взглядом улицу, но подозрительного мужчины нет.

Со вздохом облегчения иду забирать ребенка.

Тим вылетает из группы, как пробка, сжимая в руках рисунок:

– Мам! Я тебя нарисовал! – пока сын переобувается, без умолку рассказывая, что сегодня они рисовали в группе маму по заданию воспитателя, я рассматриваю рисунок.

Темные волосы, голубые глаза и длинные ресницы. Тим нарисовал и широкую улыбку, пытаюсь показать, что мама не только красивая, но и добрая.

– Спасибо, Тим! – я бережно складываю листок и прячу в сумку. – Очень красиво. Как прошел день?

– Отлично, мам!

Пока Тим рассказывает, во что они играли и чем ужинали, мы спускаемся по ступенькам. Он совсем взрослый, через год в школу. Я с упоением его слушаю, позабыв про мужчину, который меня преследовал.

Это частный сад.

На крыльце два охранника, здесь видеонаблюдение, я чувствую себя в безопасности.

С преследованием я сталкиваюсь за воротами детского сада.

Он стоит под деревом в тени, ждет, когда выйдем. Я вздрагиваю, в первое мгновение хочу убежать, схватив сына в охапку... Но голос.

Хрипловатый, уставший, словно бы пыльный, кажется смутно знакомым. Он меня останавливает.

– Привет, Милан... Не бойся. Это я.

Что-то очень знакомое. Почти забытое.

Мужчина выходит из тени. Я вижу широкие плечи, сильное тело – вне всякого сомнения, именно он преследовал меня по аллее. Джинсы, черная кожаная куртка и по-военному коротко стриженные волосы. На нем темные очки, приспущенные на кончик носа. Хотя уже темно.

Не узнаю.

Замираю, отодвинув ребенка за себя и пристально смотрю.

– Милана...

Он снимает очки, подходит ближе.

Серьезное лицо, пронзительные глаза. Один глаз отличается: неподвижностью, странным выражением – не знаю, в чем дело, но понимаю, что имела в виду официантка.

Это он следил за мной!

– Не узнаешь? – он горько усмехается. – Я Дима Травин.

– О, боже! – я прикладываю ладонь к губам, выдыхая от страха.

Он несмело улыбается, смотрит прямо в глаза.

Даже не знаю, как узнала.

Это не тот Дима Травин, которого я помню. Уже не парень – заматеревший мужик с мускулистой фигурой. Незнакомый и чужой. А черты того парня, что сладко шептал мне на ухо «Мила-а-анка...», почти исчезли. Улыбаясь, он подходит ближе и нависает надо мной.

И я понимаю, что не так с его глазами.

Зрачок левого несоразмерно больше и не сокращается. Выглядит это страшновато. Притягивает внимание. Понимаю, почему он носит очки.

– Мама, кто это? – озадаченно спрашивает Тим.

Совершенно без страха. Он вообще бесстрашный мальчик.

Мне нечего сказать. Я молчу. Горло пересыхает от страха, и не дай бог, нас увидят вместе!

– Ну, привет еще раз, Милана?

– Не ожидала тебя увидеть... Мне говорили, ты воюешь.

– Кто?

– Отцу твоему звонила, – боже, зачем я говорю это. – Давно еще. Он сказал, ты в армии, подписал контракт. Мотаешься по горячим точкам. Ты вернулся...

– Вернулся.

Кольцо жжет безымянный палец.

Я пытаюсь совладать с мыслями. Как испуганные птички, они прыскают во все стороны. Я не была его девушкой, не обещала ждать. Когда он уходил, мы расставались навсегда. Но в незнакомом вопросительном взгляде мне видится укор.

Автоматически крепко сжимаю ручку сына.

Димка смотрит на него.

Затем мне в глаза, и внутри все обмирает от этого странного взгляда.

Какого хрена ты пришел! – злюсь я. Когда время уже закончилось, и ничего не изменить! Почему сейчас, когда я сумела наладить жизнь, спасти себя и своего ребенка! Когда смирилась с этим!

От его взгляда ворочается боль в душе, которую я при-
выкла не замечать за годы.

Ничего не исправить!

Его здесь убьют. И дело не только во мне. Его убьют здесь!
А может быть и меня с Тимом, если всплывет правда!

– Дим, уезжай, – тихо прошу я.

– Я знаю, что ты замужем.

Слова падали, словно камни.

– Знаю, за кем.

Ну и что, чего ты хочешь, весь город знает, чья я жена!

– Извини, Дим, – голос дрожит, а я пытаюсь сдерживать бурю эмоций: страх, боль, вспыхнувшую, как птицу феникс надежду, любовь и ненависть в одном флаконе! – Тогда тебе

лучше уйти. Так получилось. Нам больше не по пути. Не ищи со мной встреч.

Я говорю искренне, пока болит сердце.

Вспоминаю как, уже беременная, рыдала в подушку, рвала волосы, звонила его отцу, надеясь на чудо.

Чуда не случилось.

Столько воды утекло, но сейчас я ощущала то же чувство отчаяния и одиночества, что и на третьем месяце, а жизнь не обещала ничего, кроме сложностей...

– От кого ребенок? – спрашивает он, снова глядя на Тима.

Прямо при Тиме! Как будто не понимает. Сыну пять, но он смысленный малыш. А в разговоре не участвует не потому, что не понимает, о чем речь, а потому что хорошо воспитан.

Я прячу сына за спиной.

Боюсь, что узнает. Свет фонаря не слишком яркий, но его достаточно.

– Оставь нас в покое! Ты мне никто. У меня есть муж, а у ребенка – отец! Нам пора, – в страхе, я притягиваю Тима к себе.

Травин не препятствует. Мы обходим его и направляемся к дому.

Случается то, чего я боюсь.

– Я провожу, – негромко говорит он. – Уже поздно.

– Не нужно! – пугаюсь я сильнее. – Здесь близко! Уезжай отсюда, ты понял?!

Он игнорирует. С напряженными спинами мы идем по дороге,

Димка следом.

Держится в нескольких метрах, не навязываясь, но и не отставая. Как на аллее.

Знал бы, что у меня на душе творится.

Я обнимаю сына одной рукой, хочется реветь. Кричать: проваливай отсюда! Он меня бросил, я как смогла пережила это, ему не нужно было возвращаться.

Старые чувства давно притихли и затаились. Я жила в ко-
коне, который не нравился мне, но избавиться от него я не
могла. Срослась, привыкла, и кокон стал нелюбимой, но на-
дежной броней. Димка разрушал его своим появлением.

И пробуждал страх.

Не фоновый к которому привыкла из-за мужа. Настоящий
животный страх за себя и за сына.

Не ходи за мной, идиот!

Доходим быстро, Травин останавливается где-то позади.

– До встречи, Милана.

Тим несколько раз оборачивается, я не стала. И так знаю,
что Травин стоит, сунув руки в карманы и смотрит вслед.

– Мам, кто это был? – тихо спрашивает сынок.

Этот человек, малыш, должен был стать самым главным
для нас.

Он не смог.

– Тим, я могу на тебя рассчитывать? – я наклоняюсь, ловя

его взгляд. – Никому не рассказывай про этого дядю, ладно?

– Хорошо, мам, – озадаченно отвечает он.

Я начинаю верить, что последствий не будет, но от голоса за спиной меня прошибает холодный пот.

– Слышь, ты че за Миланкой таскаешься?

– Мам!..

– Не оглядывайся! – сжимая ладонь сына холодной рукой, я скорее веду ребенка наверх, ощущая, как сердце захлебывается от ужаса.

Люди Глухарева.

Если повезет, его просто отделают. Лишь бы не узнали в нем Дмитрия Травина. Мой муж не должен знать, что он вернулся. Боже, сделай так чтобы его не узнали!

Глава 2

Дмитрий

За несколько часов до...

– Зря ты вернулся, – старый друг Степан, говорит непривычно жестко. – У тебя здесь никого, а врагов по горло осталось. Ехал бы дальше, в Москву. Думаешь, все забыли, что ты из-за Миланы натворил?

Димка усмехается.

Имя Миланы жжет уши. Столько лет не слышал.

– Это давно было, Степа. Шесть лет назад.

– И что? За эти шесть лет многое изменилось! – друг наклоняется вперед, словно кидается грудью на стол. Останавливает его взгляд Травина. – Слушай... а что у тебя с глазом?

Димка опускает голову.

Рядом с чашкой эспрессо, после ночного поезда, казавшегося вдвойне вкусней, лежат солнцезащитные очки.

Ранним утром в кафе никого, поэтому снял.

Думал, Степан не заметит.

– Ничего, – он надевает очки. – Забей. Милану я шесть лет не видел. Приехал начать с нуля. Бывают такие моменты в жизни. Старые заварухи не интересуют, так что успокойся.

Степан смотрит настороженно.

Старый друг... Хотя друг ли? В одном дворе росли. Но даже он злится и гонит из родного города. Разве так друзей

встречают с войны?

Он не был здесь шесть долбанных лет.

Шесть лет по горячим точкам.

И не такой ждал встречи.

В нервных пальцах Степан крутит автомобильный ключ от дорогой тачки. На ней встречал на вокзале. Стрижка модная. И пахнет от Степана приятно и назойливо элитным нишевым парфюмом. Им обоим по двадцать семь, откуда бабки?..

Детали Димка отмечает на автомате – служба приучила.

– И что изменилось? – пытается он увести разговор от Миланы.

Степан ухмыляется.

– Знаешь, где сидим?

Кафешку он знал еще по старой жизни – довоенной. Но обстановка и вывеска сменились.

Скорее всего, вместе с хозяином.

На ровном месте ребрендинг не устраивают.

– Ну?

– Кольки Платонова место. Помнишь его?

– Рад за Кольку. Хорошо дела идут, раз купил кафе?

Тоже из их компании парень. Без богатых родителей, круто поднялся.

Степан кивает, рассказывает про общих знакомых, но многие имена Димка даже не может вспомнить.

Как будто оказался за стеклом.

Война и служба сделали родные лица чужими, а сослуживцев – родными и привычными. Нужно время перестроиться.

– Ты позвонил, я не поверил, что возвращается, – продолжает Степан. – Ты надолго к нам?

Надо же. «К нам». Как чужаку.

– Навсегда.

– А что так? – друг настораживается. – Вроде в спецназе служил? В военный вуз поступать хотел.

– Накрылся вуз.

– А-а-а, ну, бывает... Я тоже не доучился. К отцу зайдешь?

– Завтра, наверное.

Встречу с отцом хочется отложить. И с очередной его бабой, которая недовольно начнет нарезать круги в ожидании, когда же пасынок, наконец, свалит. Отношения с отцом сложные. Почти чужие друг другу. Отец всю жизнь мечтал – и не уставал повторять об этом, чтобы сын скорее стал совершеннолетним и свалил в армию.

– Надеюсь, не потащишься к Миланке? Да ведь, Дим? Она здесь живет, теперь работает в архиве. Она замужем давно.

– Замужем? За кем?

Он не знал, что Милана вышла замуж.

– За Глухаревым. У них сын растет. Не вздумай, понял? Слова бьют в лицо, как кулаком.

За Глухаревым...

– Ладно, я поехал тогда, – друг бросает пару бумажек за кофе на стол и встает. – Звони, если что.

Степан в шутку отдает честь, и уходит. А он остается, пытаясь уложить в сознании эти несколько слов.

Миланка вышла за Глухарева?

Она его ненавидела.

Глухарев был криминальным авторитетом, бизнесменом и редкостным мудаком. По Милане он сходил с ума. Преследовал ее. Чего скрывать, по Милане сохли полгорода мужиков, и Димка в их числе. Редкая красotka и королева красоты, покорившая город в тот год, когда он уходил в армию, грезилa столицей. Странно, что она еще здесь. Он был уверен, что Милана укатила в Москву, заключила контракт с модельным агентством, как мечтала, и счастливо живет с миллиардером.

Какого хрена?

Брак с Глухаревым, работа в архиве, ребенок – что с ней случилось? Как он добился своего... И у них растет сын?!

Зайти к ней, что ли?..

У них всего одна ночь была, но при воспоминании о ней по позвоночнику словно электричество пробежало. Помнит ли вообще его? Скорее всего... Не могла забыть. Обстоятельства их ночи не забудешь.

Он допивает кофе, поднимается, тоже отсчитывает день-ги. Случайно поднимает глаза и застывает.

Мимо окон кофейни идет Милана.

Не узнать ее невозможно.

Все живое вокруг, если оно имело мужской пол, замирало, стоило ей пройтись. Легкость, грациозность, она двигается безумно сексуально. В ней всегда это было. Манкая по природе, а не вульгарная, она, кажется, сама не понимала, как каждый жест, походка, поворот головы, влекут к ней мужчин.

Точно она.

Чуть склонив голову на бок, не догадываясь, что за ней наблюдают, Милана смотрит под ноги.

Высокие каблуки делают походку волнующей, а ножки — умопомрачительно длинными. Одета, как архивная мышь: серая юбка до колен, какая-то блузка. Густые темные волосы колышутся на каждом шагу. Как и прежде, Милана сводит с ума, не прилагая усилий.

Не понимая, что делает, Димка выходит из кафе. Выжидает, чтобы отошла подальше, и сам не свой направляется следом.

Утро приятное, ласковое.

Еще прохладно, по веткам скачут птички. Пахнет абрикосовым цветом и сиренью. Он идет по цветочной аллее, не сводя глаз с узкой спины. Взгляд скользит по ногам и задерживаются на ягодицах Миланы. Они все так же хороши. Она не знает, что он идет следом и его заводит это. Словно она добыча, лань, которая не подозревает, что волк уже наблюдает.

Весь город помнил, что он натворил из-за этой женщины.

И она вряд ли его забыла.

Девушкой или девчонкой ее язык не поворачивается называть. Она женщина. Красивая, цветущая, манящая, роковая женщина.

Может сейчас о нем думает, не догадываясь, что он идет следом, как безумный поклонник.

Зря Степан упомянул о ней.

В армии Димка не раз представлял ее в горячих мечтах. Было время, он думал о ней каждую ночь. Потом затихло постепенно. Шесть лет – долгий срок. Но стоило ей пройти мимо своей волнующей походкой, и безумный инстинкт самца толкнул следом.

Как в прошлый раз.

Кровь бурлила от забытого азарта, который покинул его после контузии и диагноза, когда пришлось завязать с учебой и армией.

Но походка Миланы будит желание бороться и побеждать. Не стоит за ней идти.

Мозгами он это понимает.

Но не может с собой справиться. Вернувшее желание жить отключает разум. Весной кровь бурлит по-особому.

Приятное чувство. Предвкушение.

Милана входит в неприметное здание в конце улицы. Старинное, двухэтажное, с высокими окнами, через которые видно, как Милана идет длинным коридором, здороваясь с

сотрудниками в открытых кабинетах. В общей комнате вешает сумку на спинку стула, включает чайник... Димка издали смотрит, как она заводит беседу с другими женщинами, садясь к общему столу с чашкой чая. Он шуруется, пытаясь прочесть табличку: «Городской архив ЗАГСА».

Хм. Разве это место для такой красавицы?

В голове не укладывается, как она здесь оказалась.

Выждав пару минут, он сваливает в кафе напротив и смотрит оттуда. Заказывает кофе, следит за окнами – может, Милана еще появится. Хотя бы раз мелькнет.

– Дореволюционная постройка, – раздается веселый голос, молоденькая официантка принесла капучино. – Одно из самых старинных зданий в городе. Архитектурой интересуетесь?

Заметила его интерес.

– Нет.

– А здесь много красивых мест. Приятного аппетита!

Девушка смеется и уходит, оставив легкую настороженность. Заметила, что следил за Миланой? Кафе близко от ее работы. Она может ходить сюда на обед. Или это поствоенная паранойя разыгралась?

Он допивает капучино, оставляет на столе чуть больше, чем нужно по счету и уходит. Лучше не светиться так явно. Дело не в страхе, он не боится Глухарева. При мысли о нем появлялись безразличие и ненависть, какую испытывают к соперникам. Но не больше. Шестое чувство твердило: не на-

рывайся, пока не разберешься, что происходит в городе.

Он застал все совсем не таким, как ожидал.

Разбогатевшие друзья, непонятная история Миланы, ему старые друзья не рады. Степан откровенно послал подальше. Пока стоит работу поискать, зайти к отцу – забрать кое-какие вещи. Работа нужна позарез, и на знакомых в этом вопросе он особо не рассчитывал.

Но знал: вечером вернется.

В сумерках, чтобы не заметили. И проводит Милану домой. Просто не устоит перед сладким искушением.

Озабоченный дурак.

Большой уже мальчик, а все по-старому. Потащился за ней, как волчара. Прямо с вокзала, даже сумку в угол не бросил.

Вряд ли она еще будет с ним.

Он – солдат с контузией и травмой, вряд ли ее заинтересует.

Но в ее глаза хочется посмотреть.

Как она оказалась замужем за Глухаревым после того, что он с ней сделал?

Глава 3

Дмитрий

– Слыш, парень. Ты че за Миланкой таскаешься?

Голос за спиной развязный и незнакомый.

Он оглядывается: к нему подходят двое – молодые, борзые, судя по свирепым лицам. Слева приближается «бык» в кожанке: взгляд цепкий, исподлобья. Второй наступает прямо – видно, характер такой. Привык переть напролом, уверенный в превосходстве – здоровый и накачанный, любитель зависать в качалке.

Травин «считал» их быстро и посмотрел дальше – на тротуар, кусты вокруг дорожки, гаражи – нет ли засады.

Глухарева, что ли люди?

Не отвечая, он рассматривает обоих: есть оружие, нет? Куртки застегнуты. Из-за глаза приходится присматриваться, зрения в левом глазу почти нет. Травин знает, что это делает его странноватым и предпочитал темные очки, чтобы не пугать прохожих несокращающимся зрачком.

– Слыш, ты че уставился? – кивает бугай.

Куртка на торсе натягивается, когда он опасно расправляет плечи. Ствол под ней не спрячешь. Разве что на пояснице. Зная этот контингент, скорее, там нож, кастет, огнестрел навряд ли.

И при себе ни хрена.

Не ожидал, что в первый день подвалят.

Все-таки много лет прошло.

Интересно, Глухарев за Миланкой постоянно следит или эти ослы глухаревский двор охраняют.

– Тебе зубы выбить, чтобы понял, что с чужими женами не надо знакомиться?

Молчание понимают по-своему.

Вот если бы начал огрызаться, пушку вытащил – тогда бы не наглели. Молчание принимают за слабость.

Оставь они выбор – он бы ушел.

Но эти уроды отсекают его от тропинки, прижимая к подъезду. Драки не избежать. Думают, что ему навалеют.

– Шел бы ты своей дорогой, – беззлобно предлагает он «быку» в последней попытке избежать драки.

Массивный кулак летит в лицо.

Хотят проучить его, отделать и свалить бухать и зависать с телками. Потому что не в первый раз такое. Люди Глухарева привыкли быть главными. Даже сомнений нет, что справятся.

Слева зрение почти нулевое. Но он привык к слепой зоне. Успевает перехватить руку, взять на излом и добавить коленом подмышку. Мощный неожиданный удар вышибает из быка воздух и валит на асфальт. В пыль падает кастет.

С одним покончено.

Второй оторопел на пару секунд, которых хватает, чтобы

свернуть ему челюсть и уложить рядом с первым. Бок жжет. К сожалению, успели задеть ножом... Чертово фрагментарное зрение.

– Я тебе не «слыш, парень», понял? – негромко предупреждает он стонущего бугая.

Поднимает голову – инстинктивно захотелось посмотреть вверх.

Милана резко задерживает занавеску.

Смотрела...

Хорошо бы видела, как он отделал этих уродов.

Неплохо бы и с Глухаревым поговорить. Пусть знает, что отслужил свое и вернулся в город. Пусть скажет, как этот боров увел Миланку. Одна мысль о том, что этот урод своими грязными пальцами трогал ее, будит в нем бешеного зверя. После драки адреналин кипит недолго. Он выдыхает, чувствуя холод в боку. Пальцами нащупывает горизонтальную прореху в кожаной куртке. Надо искать гостиницу, посмотреть, что с боком.

Он идет к дороге, сзади из темноты подворачивает машина.

– Подбросить?

За рулем авто представительского класса сидит холеный мужик лет сорока. Подтянутый, гладкий, как в рекламе дорогих мужских часов, и неуловимо отталкивающий.

– Ты кто?

Незнакомец сверкает зубами.

– Не бойся, садись, разговор есть, – авто тормозит, вместе с ним останавливается Травин. Хрен знает, что зацепило, наверное, словосочетание «не бойся». – Видел, как ты отделал людей Глухарева. Круто.

– Ты кто? – повторяет Травин.

– Александр Соболевский, – представился тот, имя незнакомое, хотя мужик говорит с таким видом, словно его каждая собака в городе знает. – Главный конкурент Глухарева. Ты не местный?

Конкурент Глухарева... Перед тем, как в армию уходил, тут таких не было. Соболевский – новый в городе человек, и видно, что упакованный.

Дима садится, сумку бросает в ноги, и достает сигареты.

– Местный, – подтверждает он, закуривая без разрешения, пока Соболевский кидает изучающие взгляды. – Дмитрий Травин.

– Значит, знаешь Глухарева? И не побоялся к его жене подкатывать? Ее все знают, горячая телочка. Местная королева красоты.

Дима кидает на него такой взгляд, что тот затыкается.

Соболевский обескуражен.

Что, слишком нагло себя ведет? Не пал ниц перед крутым бизнесменом? После шести лет войны на условности плевать. После контузии – тем более. После стычки бок беспокоит. Вот это важно. И еще Милана. А ожидания неизвестного бизнесмена – нет.

Но человек может быть полезным. Один в поле не воин.

– Служил?

Травин поднимает удивленные глаза. Надо же, угадал.

– По тебе заметно, – продолжил бизнесмен.

Пауза.

– Ты немногословный, – замечает Соболевский.

– Что за разговор? – интересуется Дима, оставив ремарку без внимания.

– Давай подброшу и по дороге поболтаем. Тебе куда?

– В гостиницу, – он пинает сумку ногой.

– Где остановился? У меня небольшой отель в центре. Пойдет? – еще один изучающий взгляд. – Я видел, как ты их мочил. А у нас ссут с глухаревскими связываться.

Непонятно, какого ответа ждет.

Травин курит, рассматривая огни сквозь лобовое стекло. Изменились не только люди, которых он знал.

Город тоже.

Отрастил новые высотки, на остановках громоздились незнакомые торговые центры.

– Мне нужен охранник в фирму, – продолжает Соболевский. – Толковый. Ездить со мной по делам, сопровождать груз. Кто-то, кто не боится местных. Попробуешь?

Травин смотрит на него. В темноте Соболевский не видит, что с глазом непорядок.

Сказать про травму?

Ну и зачем, вряд ли у бизнесмена настолько серьезные

проблемы, что это помешает. Если не проходить медкомиссию и носить очки, внешне от здорового не отличить. По зрачку только. Только стрелять тяжело...

– Оружие выдадут?

– Ну ты быстрый! – усмехается Соболевский. – Давай выйдешь на смену, потом посмотрим. Если устроит, все будет. И оружие, и тачка личная. И деньги. Телочки местные будут все твои.

Машина тормозят на бульваре, напротив гостиничного крыльца.

– Идем, провожу.

Дима выходит из машины, вытаскивает сумку. Напротив бар сверкает ярко-голубой вывеской, и бухает музыкой. Болит голова, но он по опыту знает, что скоро пройдет. Это после контузии.

Раньше бара не было.

Вместо него была бильярдная, которая считалась нейтральной территорией. Интересно.

– Знакомое место? – спрашивает Соболевский, заметив взгляд.

Случайный вопрос или проверяет информированность и знание города?

– Здесь была бильярдная. Хозяин был нейтралом. Если нужно было парням из разных группировок что перетереть и не перестрелять друг друга, договаривались с ним и приходили сюда.

– Правильно, – соглашается Соболевский. – Теперь верю, что местный. Идем.

Они входят.

Соболевский поправляет пиджак и улыбается смущенной девушке за стойкой.

– Александр Николаевич, добрый вечер, – девушка вопросительно смотрит на Травина.

Ей любопытно, но ничего не спрашивает.

– Засели, – велит он, рассматривая ее снисходительно, как блошку. – В хороший номер. Мой новый сотрудник.

Девушка кивает, торопливо кидается из-за стойки с ключами. Когда остаются одни, Соболевский поворачивается к нему.

– В штат тебя пока оформлять не буду. Пусть будет... пробный период. Оплачиваемый, конечно. Завтра подходи в офис к девяти, введу в курс дела. Это аванс.

Он передает стопку сложенных купюр. Травин на взгляд прикидывает сумму – некисло.

Деньги он, подумав, берет.

Предложение интересное. В городе он собирается задержаться, и работа нужна – не только из-за денег. Нужно оглядеться, понять, кто чем дышит... Нужны время, деньги и связи. Работа у Соболевского подходит по всем пунктам.

– У тебя проблемы с Глухаревым?

– А у кого с ним нет проблем? – Соболевский смеется как голливудский актер, сверкая красивыми зубами. – Ну ниче-

го, мы с ним разберемся. Жду в девять.

На прощание они жмут руки, и Травин поднимается за девушкой на второй этаж.

– Выезд в двенадцать, но вы об этом не беспокойтесь, – она впускает в номер. – Постельное сейчас принесу.

Номер одноместный.

Дима швыряет сумку в угол, осматривается. Здесь уютно, хорошая мебель. Обстановка в бежевых тонах, темно-красные шторы до пола, на прикроватной тумбе торшер с красным абажуром.

Он бросает на кровать скудные вещи, и идет в ванную.

Сбрасывает куртку: так и есть, на ней прореха длиной с ладонь.

Изворачивается, пытаясь увидеть бок. В левом глазу плавают тени – он различал свет, но остальное только силуэтами.

Врачи говорили, может дойти до полной темноты.

Гарантий никто не дает.

Бок щиплет. Ничего серьезного, просто глубокая царапина. Не сколько убить, сколько испугать хотели. Парой горстей воды он промывает рану и закрывает полотенцем.

В дверь стучат.

– Да?

– Постельное, – раздался голос девушки с ресепшен. – Можно?

Он впускает ее, улыбается – девушка вопросительно по-

глядывает на него, не понимая, чего он полуголый прижимает полотенце к боку. Лучше бы буянил, как все, и водил девок в гостиницу.

– Тебя как зовут?

– Таня.

– Есть аптечка, Таня?

Она быстро застилает кровать, затем приносит аптечку.

– Вам помочь?

При мысли, что ее пальчики будут прикасаться к телу, прошибает до самого нутра. Лучше ты меня не трогай, Таня...

– Нет.

С аптечкой уходит в ванную, обрабатывает, чтобы остановить кровь и ждет, чтобы царапина подсохла. Затем падает на кровать, глядя в потолок.

Не может спать.

Из головы не идет Милана.

Волосы и треугольное лицо, синие глаза из-под челки. Как она испугалась, его увидев... Здесь никто не рад его видеть. И она не исключение. Но именно ее влажные глаза и искусанные губы будили воспоминания о той ночи. Он о ней, королеве красоты, которая ездила только на лимузинах и дорогих тачках, даже мечтать не смел. Как и многие. На таких девочек своя очередь из упакованных мужчин.

Как она была прекрасна...

Он вспоминал ее раздвинутые колени, сулившие незем-

ное блаженство, порванное платье Миланы, спущенное до пояса и голую грудь со сладкими вишневыми сосками. Ее приоткрытые губы и манящий взгляд. Все ее тело было совершенным, словно выточенным искусным скульптором из мрамора. У него были девочки после, но таких – никогда. Она лучилась красотой и сексом, не прилагая к этому усилий. Ее хотелось сжать в охапку, целовать, трахать, что он и делал всю ночь.

Она все еще такая.

Превратилась из девочки в женщину, стала слаще и воспоминания что он эту шикарную женщину *уже* трахал, сводили с ума. Словно когда-то она была его, и он ее потерял.

Он стал первым у нее, и в какой-то мере считал себя единственным.

И эта сука Глухарев на ней женился.

Еще быков своих к нему подослал. Травин думает о том, что, возможно, сейчас Глухарев ложится в постель со своей женой, занимается с ней сексом, и внутри растет волна гнева.

Нет, он ее не забыл.

И после того, как увидел, чувства горели с новой силой. Лучше бы и не приезжал.

Она не просто испугалась, она гнала его, отрезая возможности для еще одной встречи. В конце концов, ее можно понять. У них нет ничего общего, а за помощь она отблагодарила давным-давно своим телом.

Теперь этим телом пользуется другой.

Будь проклят тот день, когда пришлось подписать контракт. С ней нужно встретиться еще раз.

Или лучше сделать это с Глухаревым и поговорить по-мужски?

Глава 4

Милана

Колыбельную обрывает хлопок входной двери.

Я настороженно смолкаю.

Муж.

Замечаю, что Тим неосознанно сжался и, ласково улыбувшись, треплю по голове.

– Спи, сынок, – поправив одеяло, выхожу из детской.

Мне не по себе. После встречи с Димкой сердце замирает от страха.

Ему же наверняка донесли.

Глухарев раздевается в коридоре с мрачным лицом. Губы сжаты, брови нахмурены и взгляд – как игла. Злится, но на кого? На меня? На Димку?

Глухарев молча идет в кухню. Ужин я приготовила, так что все в порядке.

– Будешь ужинать?

Не говоря ни слова, муж садится за стол, как барин. Поддвигает графин с водкой, рюмку. Я достаю из холодильника закуску: нарезанный лимон, крупные оливки, режу малосольную семгу. Глухарев залпом выпивает стопку, накручивает на вилку длинную пластинку семги и забрасывает в рот.

– Где Тимур? – резко спрашивает он.

– Спит, конечно. Только уложила. Что-то случилось?

Глухарев кивает на стул напротив.

– Знаешь, что случилось. Падай, дорогая.

С приветливым лицом я сажусь напротив. Рассматриваю лицо мужа.

Столько лет с ним прожила, а стала только ненавидеть сильнее.

И сильнее бояться.

Он нечестно на мне женился.

– Чего Травин говорил?

Опускаю глаза, делая вид, что вспоминаю, хотя прячу в них правду.

– Ничего особенного. Поздоровался, сказал, что вернулся.

– И все?

Глухарев буравит меня красноватыми глазами.

– Да.

– Не ври! – внезапно он бьет по столу, и я вздрагиваю. – Он шел за тобой с чертового ЗАГСА!

Это Юлька рассказала. Больше никому. Его люди дежурят у нас во дворе, может, на повороте, но не ходят за мной по городу.

Глухарев сопит от ярости.

Я прикидываю, что может произойти дальше, но мне не страшно. Лишь бы Тим не проснулся. Жизнь во лжи закаляет характер.

– Я не захотела с ним разговаривать, сразу ушла. Мы и не

говорили толком. Это его проблемы откуда он шел.

– Почему не захотела? – Глухарев резко успокаивается.
Хороший знак.

Но под пристальным взглядом плечи напрягаются.

– Нам не о чем говорить. Кто он такой.

Его это удовлетворяет. Глухарев уходит и в коридоре созванивается со своими. Прислушиваюсь к бухающему голосу мужа, и не могу расслабиться. Мне страшно: за себя, за Димку... Даже за Димку, блин.

Но больше всего – за Тима.

Хорошо, что спит и не услышит взрослые разговоры.

Мы – я и тот, кого он считает отцом, слишком многое от него скрываем. Наш брак построен на лжи. Все последние шесть. Только Глухарев об этом не знает.

Тимур – не сын Глухарева. И он не знает об этом.

Срок был маленький. Я знала, что уже беременна, но промолчала.

Если мой муж когда-нибудь об этом узнает – он меня убьет. Возможно, вместе с Тимом. Я глупо поступила, но у меня не было выбора.

Я сказала Глухареву, что беременна от него.

Со временем все утряслось, уравновесилось. Я все реже вспоминала, что соврала. Пошла не счастливая, но сытая и спокойная жизнь. Но смотрела на сына и понимала, что он становится похож на настоящего отца. Та же фигура – высокая, по мужскому типу, а не коренастая, как у Глухарева. Со-

вершенно другое лицо. По спине проходила волна ужаса, когда я понимала, что скоро эта станет очевидно и Глухареву.

Зря Димка приехал.

Я рассматриваю руки с вишневым маникюром.

Глухарев ревнивый, как павиан. Дай волю, не выпускал бы из дома. Судя по сверхсерьезной реакции, Травин разворошил город за несколько часов, как осиное гнездо. Что теперь будет?

Переговорив, Глухарев уходит, хлопает дверь.

Выхожу в коридор: дверь приоткрыта, ключи от машины на полочке. Значит, спустился к своим раздать указания. Беру телефон и смотрю звонки. Странно. Я думала, он своим парням звонил. Но в исходящих детвора – пара пареньков, которые когда-то на него работали. Значит, обсуждал Димку с ними. С его бывшими друзьями.

Кладу телефон на место, ухожу в спальню. Побыстрее, пока Глухарев не вернулся, переодеваюсь в ночнушку и ложусь в постель. Тороплюсь, чтобы не застал меня полураздетой. Почти сразу хлопает дверь – вернулся.

С облегчением слышу, как он идет на кухню – допивать. Если повезет, близости не будет. Муж наберется, если повезет, и быстрее уснет.

Отворачиваюсь к стене на всякий случай притворяясь спящей. Не хочу сегодня с ним... Я и раньше не особо хотела, а сегодня вообще от него тошнит. Из головы не идет Димка.

Вспоминаю его с горькой ностальгией и комом в горле, как вспоминают красивую молодость до того, как все пошло не так. С нежностью. Я его сегодня не узнала. И я уже сама другая.

Вспоминаю глаза Травина, когда столкнулись у сада.

Травин сразу спросил про Тима. Как будто почувствовал, что его кровь.

Было время, я рыдала и хотела, чтобы Травин пришел и забрал меня. И все еще хочу в мечтах. Но к реальности жизни грезы не имеют отношения.

Уйти от Глухарева не получится.

Если Димка продолжит меня преследовать, наживет себе проблем. Не дай бог еще правда о Тиме вскроется...

Просто поздно для всего.

Шесть недель. Токсикоз. Отчаяние.

Шесть недель – от Димки, больше никого в тот период у меня не было. И узнала я об этом, когда он уже ушел. Я позвонила его отцу и тот сказал, что Димка на войне.

Он не бросал меня, но именно так я себя ощущала.

Беременная, перепуганная тем кошмаром, что начал разворачиваться в нашем тихом городе. Я испугалась угроз Глухарева и вышла за него замуж. Он нашел меня дома одну зареванную, я качалась, как пьяная и давилась рыданиями.

Глухарев обрисовал, что меня ждет.

Что никуда я поехать не смогу, что меня будут искать.

Что отвечать за все, включая смерти, придется всем вме-

сте, а Травин уже сбежал на контракт в армию. Я слушала Глухарева и мне становилось страшно. Потому что настоящую угрозу начал представлять Глухарев.

Я понимала, что это *он* на самом деле расправился с теми людьми.

И понимала, что со мной сделают, если я скажу нет.

Тюрьма или смерть.

Глухарев склонил меня к сексу прямо там, зареванную и дрожащую от страха. Как отвратительно это было... Но я не сопротивлялась.

Он зажал мне рот и опрокинул на пол. Я зажмурилась, пока жадные пальцы шарили по телу, но не смела звать на помощь. Боялась, что правда выйдет наружу и от меня избавятся.

Я стонала от стыда, пока с меня срывали одежду. Он спустил штаны и овладел мной, как какой-то шлюхой. К счастью, девочкой к этому моменту я уже не была. Когда мне говорили, что королеву красоты всегда имеет спонсор, я не поверила.

Реальность оказалась еще хуже.

Глухарев взял меня силой, без единого поцелуя и уговоров.

Как свою покупку.

Для кого-то подиум и софиты – рай земной, для меня это просто невольничий рынок, где клиенты выбирают самых красивых женщин не для того, чтобы любоваться ими.

Через месяц, когда мы сыграли с Глухаревым свадьбу, я была даже рада этому отвратному сексу на полу в моей комнате.

Теперь я могла сказать, что у нас будет ребенок.

И мы с Тимом были защищены.

Глухарев к известию о беременности отнесся ровно, считая это логичным продолжением брачной и сексуальной жизни.

Свои мечты я не исполнила. И в столицу не поехала. Я была привязана к Глухареву после той ночи цепями.

Теперь у меня стометровая квартира в новом доме, деньги мужа, шопинг, салоны. Почти все. Лишь в покупке авто он отказал, аргументируя, что не даст выучиться на права. Сколько не учи, а баба за рулем, это обезьяна с гранатой. Распорядился выделить мне тачку с водителем, но пользоваться я ею не любила. Я и так в клетке. И предпочла ходить пешком, дернув из рук мужа хотя бы эту цепь.

И что важно, все необходимое было у Тима: хорошие врачи, логопед, бассейн, учитель английского.

– Миланка?... – хрипит муж.

Лежу неподвижно, чтобы Глухарев отвалил.

Посопев, он раздевается, падает рядом и через секунду раздается храп. От него несет алкоголем и рыбой.

Я не сплю.

Предаяюсь мечтам, как снова мы встречаемся с Димой. Хотя бы в грезах я могу делать, что хочу и с упоением представ-

ляю, как шепчу то, о чем хотела сказать по телефону много лет назад.

Мы стоим лицом к лицу.

Дима, ты не знаешь... Но. Я должна сказать тебе.

Дима, у тебя растет сын.

Твой сын, и он так похож на тебя.

Глава 5

– Вам кого?

Дверь открывает жена отца.

Очередная плохо крашенная рыжуха не первой свежести, от которой пахнет сигаретами и дешевыми духами. Розовый спортивный костюм, толстые губы намазаны чем-то розовым и по виду липким.

– Мне отец нужен.

– Димка, ты что ли? – округляет она глаза. – Из армии вернулся?!

Женщину вспоминает с трудом. Уходил в армию, у отца новая пассия была... Надо же, все та же. Папаша уже не молод, чтобы по бабам скакать. Остепенился.

– Где он?

– Проходи-проходи, – суется она. – Сейчас вернется, в магазин вышел...

На кухне она усаживает его за стол, ставит чайник, изображая радушную хозяйку. Через пять минут отец возвращается с пакетом продуктов.

Кричит из коридора:

– Галь, кто там у нас?.. – и застывает на пороге, его увидев.
– Ба! Ты что не позвонил, Дим?

– Номер не помню.

Отец выкладывает на стол нехитрые продукты. Почему-то

на чужую семью смотреть неприятно. Своей он ее не чувствует.

– Все нормально? Ты с армии совсем вернулся? – отец садится к столу. – Где жить думаешь?

Вывалив все тревожные вопросы за раз, отец настороженно смотрит на него.

– Я ненадолго, – Димка смотрит на часы, на первую встречу с Соболевским лучше не опаздывать, у него еще минут двадцать. – А вернулся насовсем. Больше служить не буду.

– А что так? Платят хорошо, – выпытывает отец, то ли жалея чужие потери в зарплате, то ли беспокоясь, что сын обратится за помощью.

– Передумал, – обтекаемо отвечает он, умолчав про болезнь.

– А работать где будешь?

– Есть вариант, не беспокойся, – разговор, больше напоминавший допрос, он сворачивает и переходит к главному. – Отец, я хочу забрать машину и вещи.

Хотя бы мамины фото нужно забрать.

Если их еще не выбросили.

– Машину я продал.

– В смысле продал?

– А зачем она? Платить за нее. Ты мне доверенность выписал, вот я ее и продал.

– Да она стояла, в гараже гнила, – нервно вмешивается Галя, становится ясно, кто был инициатором продажи. – И

стоила копейки, все вырученное в ремонт вложили, скажи, да?..

– Да-да, – горячо поддерживает жену отец.

Старую, но крепкую «бэжу» было жаль. И машина была нужно, как воздух. Над столом повисает тяжелая пауза.

– Хорошо, а вещи, фото...

– В гараже были, – говорит Галя. – В коробках.

– Гараж тоже продали, – добавляет отец. – Может, что переложили на антресоли, когда освобождали. Ты посмотри. Ты сынок тоже вспомнил, шесть лет прошло.

Он понимает, к чему его готовят: все выброшено.

Бросает взгляд на часы. Еще минут десять осталось. Но сидеть не хочется. Сердце режет от мысли, что ценное продали, остальное вышвырнули. Сам виноват – поздно вспомнил, но все равно грызла непонятная обида. Его здесь больше не ждали. А ведь это отчий дом. Какой ни есть, но он здесь вырос.

Из вежливости пробует кофе, недорогой и растворимый.

– Меня кто-нибудь искал?

Оба синхронно качают головой.

– Так это, Милана звонила, – бормочет отец. Галя удивленно поднимает брови. – Давно правда, ты только в армию ушел.

– А, да, – вспоминает и она. – Судачили потом все...

– В смысле? – хмурится он. – Милана звонила мне?

– Ага. Рыдала, как ненормальная. Тебя просила, а ты в

армию ушел. Я ей и сказал, что ты контракт подписал. Потом бабы судачили, что, мол, было у вас что-то?

Отец вопросительно смотрит на него.

Ждет подтверждения, пока Дима подсчитывает, когда это было. Где-то через месяц-полтора после их сладкой ночи. Так она звонила ему? Рыдала в трубку?

– Что она хотела?

– Не сказала! Я говорю ей, не плачь, в армии он.

– Почему ты не дал мой номер?

– Да это... – отец машет рукой. – Не хотел искать, заморачиваться.

Он молчит, борясь со злостью. Поздно злиться, шесть лет прошло... У нее уже ребенок. Вот они все-таки... Из-за лени отца он потерял связь с Миланой. Кто знает, дозвонись она, у него бы жизнь сложилась по-другому! Чего же она хотела?

– Ладно, мне пора, – он бросает взгляд на часы.

– Ты заходи еще, – отец оживляется, когда понимает, что Димка уходит.

На улицу он выходит с легкой досадой на сердце.

Лень ему было номер поискать! Хоть бы ему позвонил, сказал!

Сам бы нашел Миланку. Она же после этого, получается замуж вышла. Выходит, она звонила в мае. Как сейчас.

Он спускается к остановке, чтобы поймать такси.

Встреча с отцом оставила неприятное послевкусие. Видно, что ему не рады, отец с женой тяготились этой встречей.

Зрение упало и его списали, как старый мешок на свалку. В двадцать семь года без работы, семьи и перспектив. Ни вуза, ни карьеры. Только растоптанные планы. Добро пожаловать в реальность.

Машину жаль. Как и вещи.

Дело не сколько в деньгах, а в том, как отец поступил.

Зачем она звонила?

Не «спасибо» ведь за секс сказать? Рыдала. Твою мать, глупо вспоминать об этом спустя столько времени, но нужно встретиться с ней еще раз! А Глухарев с его людьми – хрен с ними, зубы об него обломают.

Придет подготовившись.

Такси привозит в центр к новой высотке.

Офис Соболевского занимает весь первый этаж. По соседству боулинг и супермаркет. Сияющее крыльцо в бело-синих тонах с черными ступенями. Все новое, блестящее, с иголки, и стекла в автоматических дверях намыты до состояния полной прозрачности. Если вспомнить, как Соболевский выглядел – по-другому и быть не могло.

Внутри пол из черного мрамора и стойка ресепшен с секретаршей-красоткой.

Девушка свысока улыбается:

– Вы записаны?

Хрен его знает, записан или нет.

– Дмитрий Травин, посмотрите.

Лицо девушки меняется.

– О, Дмитрий, – она ласково смотрит на него. – Александр Николаевич предупреждал. Я спрошу. Присаживайтесь, может быть, кофе?

– Не беспокойтесь.

Она направляется к двери с золотистой табличкой «Директор».

У девушки каблуки, как у стриптизерши, и деловой костюм – вместе, убойное сочетание. И ножки классные... Перед глазами тут же мелькает сладкое видение: Милана раздвигает перед ним ноги. Виктория хорошенькая, но до Миланы ей далеко. Он сразу же теряет к ней интерес.

– Проходите, – приглашает она, и придерживает дверь.

– Ну как? – ухмыляется Соболевский. – Готов приступить?

– Готов.

– Я про тебя справки навел, Дим. Что у вас тут случилось шесть лет назад? Серьезные терки были.

Он знал, что спросят.

– Было дело, – усмехается он.

В памяти мелькают события, как вспышки. Это запомнили надолго и город потрянуло. Он предпочел уйти, подписать контракт.

Тот летний вечер многие запомнили.

Милана стала королевой красоты.

Сверкающие глаза, красивая прическа, манящий рот. От нее умопомрачительно пахло. Глухарев был спонсором кон-

курса, поговаривали, предлагал ей помощь за секс. Как потом Травин узнал: она отказалась.

– Я работал на Глухарева. Он искал охрану на вечер. В тот день был конкурс красоты...

– Его жена выиграла, я знаю.

Травин облизывает губы. Хочется возразить, и при этом не хочется выглядеть идиотом.

– Она не была его женой тогда. Но он ее спонсировал. После встречался с серьезными людьми из столицы, его партнерами. Она туда, на ту встречу поехала.

– И?

– Я контролировал территорию за парковкой. Глухарев трясся сильно, боялся, что те люди привезут еще кого. Засада будет или хрен его знает.

– Ты один там был?

– Нет, не один.

– Были твои знакомые. Степан и Николай.

Травин запинается, но продолжает ровно.

Словно его не цепляет, что Соболевский зачем-то выяснил детали.

– Да. Но они были внутри. Он часть своей охраны заменил, нанимал новых, я даже не всех в лицо знал.

Он не стал говорить, что в тот вечер думал о Милане. От этой красоты сводило нутро. Глухарев увез ее на свой тачке, и она ушла, оставив легкий запах духов на парковке.

– Они там около часа были, – продолжает он. – Когда

вдруг вижу, двое этих Милану тащат. Хотели увезти, я заступился.

Он говорит сухо, только факты. Скрывая, как на подмогу прибежали их люди и человек Глухарева настаивал не вмешиваться.

– Ну и что? Спас девушку?

Спас. Спас бы, если она за Глухарева не вышла потом.

– Сделал, что мог.

– Ты одному кости раздробил. Сломал челюсть телохранителю Глухарева, когда тот пытался помешать. До сих пор кривой ходит. Добрым словом тебя вспоминает, – улыбается Соболевский.

Травин отвечает кривоватой ухмылкой.

– Мало получил. Мне сказали задачу выполнить – я выполнил. А то, что они в процессе передумали, не моя проблема.

– Мне это в городе рассказали, – поясняет Соболевский, допивая кофе. – А чем все кончилось? Между нами.

– Да чем... – Димка опускает глаза. – Милану отвел в машину. Глухарев меня отпустил. Все и кончилось.

Он спокойно выдерживает взгляд.

Хотя было все иначе.

Бросив побоище на парковке, Травин увез рыдающую Милану. Что там внутри у них произошло, она не сказала толком. Только то, что все сошли с ума, и Глухарев разрешил ее забрать ребятам на ночь, словно она шлюха.

Ей он дал коньяка, чтобы успокоить.

Выпил сам.

Все плавно перетекло в страстную оргию сначала в машине, затем в придорожном мотеле, куда он ее отвез.

– Ну, не совсем. Тот парень потом скончался, разве нет?

– Моей вины в этом не было.

– Дрался с ними ты.

– Не было моей вины, – отрезает Травин. – Следствие установило, что я бы не при чем. После того, как я уехал, его избил кто-то еще. Может и свои дружки, они вроде, скрылись из города. Слушайте, скандал был, да, но, если бы доказали мою вину, я бы не попал на контракт. С меня обвинения все сняли.

– Да нет, я тебя не обвиняю, – Соболевский сдает назад.

– Я имел в виду, были последствия.

– Были, конечно. Я решил уехать.

– Ну ладно, – Соболевский подмигивает. – Познакомлю с нашими. Объясню, чем будешь заниматься.

Они выходят из кабинета. По дороге Травин вспоминает, как старый знакомый матери из органов, обрисовывает ситуацию, объясняет, как драка, начатая пусть из благих побуждений, но приведшая к херовым последствиям, может повлиять на его жизнь.

Слухи нехорошие пошли по городу, что это он виновен в убийствах. Взвесив за и против, он подписал контракт.

Наутро Милана попросила отвезти ее домой. Сказала, что

очень благодарна ему за помощь. Они пили утром шампанское, затем Милана сосала ему на прощание. Она собиралась уезжать в столицу, сказала, больше не хочет видеть Глухарева после того, как разрешил ее забрать своим «друзьям».

Ошиблась. Посмел и пришел. Взял ее в жены.

Он незаметно скрипит зубами, следуя за Соболевским по коридору.

– Виктория, это наш новый сотрудник, – бросает тот секретарше. – Пока не распространяйся о нем. Где машина?

– Ждет, Александр Николаевич.

– Идем, Дим.

Они выходят на крыльцо.

– Знаешь, в чем проблема? – говорит Соболевский. – Я не могу найти людей, которые готовы на меня работать и не боятся столкновений с Глухаревскими. Если они обыскаются от одного их вида, на хрена они в охране.

– А в чем проблема?

– В конкуренции. Он шесть лет назад сильно разогнал, начал открывать бизнесы в других городах, а здесь вообще всех выдавил. Я один ему остался костью в горле. То машину мне изуродуют, то точку подожгут. Людей моих пугают, суки. У тебя перед ними страха нет, мне нужен человек, который поможет поставить охрану объектов, логистики, меня будешь сопровождать на некоторые встречи, сопровождать бухгалтера с бабками. Вот смотри, сейчас поедешь на одну точку с напарником, заберете буха и свозите в банк, догово-

рились? Твое тестовое задание.

Соболевский улыбается, как актер, и похлопывает по плечу.

Травина это даже забавляет.

Бойтся налетов на бухгалтера – заказал бы инкассаторов. По ходу «тестовое задание» будет полностью постановочным.

– Без проблем, – отвечает Травин, хлопая того по плечу в ответ. – Только давай так, если будет форс-мажор в виде налета и я справлюсь, сделаешь кое-что для меня, идет?

Глава 6

Милана

– Мам, а папа за нами заедет?

– М-м-м? – я иду с сыном по узкому тротуару, размышляя о своем, и вопрос застает врасплох. – Куда заедет?

– После бассейна. Он заедет за нами или пойдем пешком?

Я чувствую какое-то напряжение в вопросе. Тим не очень любит проводить время с отцом. А в последнее время Глухарев как бешеный, нас не трогает, но видеть его хочется все меньше и меньше.

Я присаживаюсь на корточки перед Тимом, и улыбаюсь.

– А давай после бассейна мы пойдем в магазин игрушек, и купим тебе что-нибудь?

– Ура! – невзгоды забыты, глаза Тима снова сияют, но меня это совсем не радует.

Он маленький и быстро отвлекается.

Обстановка у нас в доме далека от хорошей. То ли это совпадение, то ли из-за возвращения Димы, но Глухарев сам не свой. Дома я чувствую себя так, словно над ухом тикает часовой механизм.

Я отвожу Тима в бассейн и сдаю на руки тренеру. У меня два свободных часа. Вернее, «свободных», потому что я встречаюсь с подружкой. Я таким желанием не горела, но с

утра она позвонила и найти предлог для отказа не получилось. Глухарев может счесть это подозрительным.

В кафе пустынно несмотря на полдень.

Подруга ждет на улице под красным зонтиком. Замечает издалека и машет ладошкой, улыбаясь во весь рот. У ее ног лежит, растянувшись, Клео, немецкий дог. Черной окраски, худощавая, на длинных тонких лапах. Документов у суки нет, но Юлька утверждает, что у нее отличная родословная. Мне всегда казалось, что это помесь, но подруга яростно отменяет такие предположения: «Ты просто не разбираешься в породах». Полное имя ее было Клеопатра. Юля ее обожала и часто таскалась с ней на выходных.

Клео облизывается, прижав уши, и бьет хвостом, когда я подхожу.

– Привет! – сажусь напротив.

Подруга улыбается. Перед ней стоит чашка мятного чая.

– Как дела? – начинает она, как ни в чем ни бывало.

– Нормально. А у тебя? Что-то случилось или ты хотела поговорить? – я подзываю официантку.

– Да так ничего, просто решила встретиться. Ты же все равно с Тимом куда-то пойдешь.

Я приподнимаю брови, стараясь, чтобы на лице не появилось раздражение.

– Просто хотела по магазинам пройтись, пока Тим в секции, – пытаюсь я придумать, как слинять.

– Отлично! – оживляется она. – Вместе прошвырнемся!

Отказать снова не могу. Подозрительно будет выглядеть. Я заказываю кофе, и пока несут заказ, а Юлька щебечет о каких-то своих делах, рассматриваю ее. Подруга по-своему красивая, но лицо у нее непропорциональное: слишком тяжелый подбородок и большие щеки. Зато очень густые светло-русые волосы. Все портило выражение лица: надменное, даже высокомерное. Себя она считала эталонной красавицей, постоянно ища сходство со знаменитыми актрисами. В последнее время это у нее поутихло, но на аватарах у нее всегда были топ-модели и знаменитые актрисы, которые, как она полагала, на нее похожи.

Мы давно дружим – шесть лет. Подружились из-за того, что наши мужья знакомы. Я поймала себя на чувстве, которое старалась не замечать много лет. Она меня раздражает. Раздражает неумемной инициативой, и тем, что всегда она решает, куда мы пойдем и что будем делать. Ненамеренно, просто так всегда получается. Само собой.

Рядом с ней я всегда чувствовала себя напряженно, всегда держу в голове, что все, что я говорю, может узнать мой муж. И Юлька это знает.

До меня впервые доходит, что ей нравится меня контролировать. Она знает, что я связана Глухаревым по рукам и ногам и боюсь мужа. А она этакий серый кардинал, который решает, что сказать ему, что скрыть и как меня этим уколоть, оставаясь, при этом, в рамках хороших подруг, конечно. Этакий синдром вахтера в мини-варианте.

Я едва не скриплю зубами, но делаю глоток кофе.

Спокойно. Главное, не показать этого. Смотрю в сторону. Слежу за дорогой, но потрепанной жизнью и временем длинной иномаркой, которая едет мимо кафе.

– Ой, Миланка, я тебе так завидую! – долетает через мысли ее голос. – Ты же такая красавица, а когда конкурс выиграла, так вообще была...

Странно, что она об этом заговорила.

Она этот факт не любила, и всегда морщилась, если кто-то при ней вспоминал, что я – первая и признанная красавица города.

– Ты слышала, в город Травин приехал, после стольких лет...

– Откуда ты знаешь Травина? – хмурюсь я.

– Ну как откуда, – она начинает что-то плести, что я сама ей рассказывала, и вообще сестра ее соседки училась с ним в параллельных классах, но мне уже все понятно.

Это Глухарев попросил. Отсюда и ранний, бессмысленный звонок и эта встреча. Он что-то подозревает? Попросил выведать, что я думаю о Травине?

Но я улыбаюсь. Стало легче, когда поняла причины.

– А почему ты про него спрашиваешь? – пожимаю я плечами и у Юльки начинают бегать глаза. Нет причин задать мне этот вопрос. То, что у нас что-то было, знаем только мы двое. Для остальных мы почти незнакомы. Травин просто охранял меня одну ночь и помог выпутаться из неприят-

ностей шесть лет назад! Но не подав виду, я продолжаю. – Представляешь, он за мной следил.

Я рассказываю охающей подруге слово в слово то, что рассказывала Глухареву. Не даю ни малейшей зацепки к недоверию. Кофе допит. Смотрю в мобильник и поднимаю брови.

– Ну и время летит! Я, пожалуй, пойду за Тимом. Извини, по магазинам сегодня не получится. Забыла, что обещала посмотреть с ним игрушки.

– Ну ладно, увидимся на работе! – она машет на прощание, и утыкается в свой телефон.

Обидно, что «подруга» почти предательница.

Пыталась развести меня и рассказать все Глухареву, если бы нашлось, что. И на душе вдруг становится плохо, когда она напомнила про конкурс.

Я не люблю этот факт биографии.

Потому что он очень сильно по мне ударил. Я оправилась, но раны остались. И эти раны серьезнее, чем просто обида. В горле появляется ком, глотать больно, а тротуар перед глазами начинает расплываться от слез.

Победа в этом конкурсе сулила большие перспективы. Модельную карьеру, съемки, планы ехать в столицу. Для провинциальной девушки из бедной семьи это было блестящее будущее – небо казалось в алмазах.

До сих пор это перед глазами...

Как я, захлебываясь восторгом, улыбаюсь с подиума в купальнике. На голову надевают корону – дорогую бижутерию,

вручают букет роз и меня провожают ласковые взгляды жюри и спонсоров. Недружелюбные – от неудачливых соперниц.

Они тоже красивы, но королевой выбирают меня.

От счастья и улыбки болят щеки. Глаза светятся восторгом. Поздравления, шампанское – за закрытой дверью. Меня поздравляет Глухарев и его глаза горят. Он не очень мне нравится, но он из спонсоров конкурса.

Я вежливо и мило ему улыбаюсь, пока он с верхом наливает бокалы дорогого шампанского присутствующим. Его глаза горят от восхищения, а я – юная девушка и мне приятно, когда мной искренне восхищаются. Даже такие, как он. Глаза сияют. Голова идет кругом от поздравлений и перспектив.

– Ну все, Миланка. Карьера модели у тебя в кармане! – Глухарев говорит уверенно, веско, смеется.

Я вижу, что нравлюсь ему. Даже если и пересплю, вместе мы не будем никогда – мысленно я уже в Москве. А этот бизнесмен и бандит останется здесь, через год подоспеют новые красавицы, и ему будет чем заняться. Но мне и этого «разка» не хочется.

– Так все, я по делам... Милана, поехали с нами. Моделью. Чтобы парням было приятно смотреть.

Киваю.

Об этом уговор был сразу, выиграю, не выиграю, но его «парням» украшу вечер. Ничего такого. Просто присутствие, мелкое обслуживание.

Девочка для красоты.

Ничего такого, никакого интима: просто это престижно, иметь королеву красоты на подхвате. Мне на плечи надевают новое пальто с меховой оторочкой, под ним – совсем тоненькое платье, похожее на комбинацию. Вокруг столько внимания и мужского восхищения, что я купаюсь в нем, мне классно и хорошо, и я благодарю судьбу за то, что мне, простой девчонке, так повезло.

Знала бы я, как буду все проклинать через несколько часов...

Но пока жизнь прекрасна.

Без сомнений сажусь в дорогую тачку, ежусь, вдыхая аромат кожаной обивки, меха и элитных духов. Запах удачи. Глухарев рвет с места, и мы летим по ночной улице. Мимо плывут яркие витрины и огни. Гудит голова после шума зала и поздравлений. В салоне очень тихо, даже шелест одежды, когда двигается Глухарев, слышно. А еще в нос врывается резкий запах его парфюма. Тяжелый, дорогой, и мало подходящий мужчине простого типа, как у него.

Он останавливается у бизнес-центра, где у него офис. Еще здесь банкетный зал для переговоров. Уже поздно, но окна горят. Глухарев паркуется. Я выбираюсь из теплой тачки и иду, цокая каблуками по пустынной улице, ко входу.

Внутри охранник. Передо мной открывают дверь. Сзади вразвалочку надвигается Глухарев, и я тороплюсь убраться с дороги. Он входит в зал с приглушенным светом. Его там

встречают трое свирепого вида мужчин.

Я немножко робею, но тоже захожу, широко улыбаясь.

Охранник снимается с двери и выходит наружу. В здании остались только мы. Переговоры секретные. Снимаю пальто. Взгляды мужчин приковываются ко мне. Впервые с церемонии я чувствую себя неуверенно, и жалею, что у меня блестящие в волосах, которые переливаются в неярком свете. Я свежусь, как новогодняя елка. Соблазнительная и притягательная.

– Сладкая, – говорит один из них.

– Миланка, накрой на стол, – велит Глухарев.

Само по себе все готово. Официанты все сделали. Остается открыть выпивку, разлить по рюмкам. Мелочи. Их я выполняю с улыбкой, хотя на душе тошно.

Я думала, мы едем на банкет, где будет кто-то еще, кроме трех незнакомых мужиков бандитской наружности и Глухарева. Они рассаживаются за столом, пока я бессмысленно улыбаюсь. У меня дрожат поджилки.

– Сигару? – предлагает Глухарев.

Тот кивает, и я тут же открываю коробку, почтительно склонившись.

Его взгляд скользит по моим грудям, которые в такой позе видны в декольте вечернего платья, как на подносе.

Он берет сигару и нюхает ее, глядя на Глухарева.

А затем засовывает мне в декольте.

Прямо между грудей.

– Паршивая, – говорит он.

Я вскрикиваю и отшатываюсь. Он берет еще одну, выбирает коробку у меня из рук и требует, глядя в глаза:

– Подбери.

Что я сделала не так? Почему он злится?

Непонимающе и испуганно смотрю на подобравшегося Глухарева.

– Милана, подожди в подсобке, – сурово бросает тот.

Быстро скрываюсь за дверью и вытаскиваю сигару из декольте. Отшвыриваю от себя с омерзением.

Меня трясет.

И чем громче они орут за закрытой дверью, тем сильнее.

Чем-то воняет, я не могу понять сразу, чем. Подношу пальцы к носу: от них несет крепким табаком. Морщусь, нужно найти салфетки, но мне страшно даже двигаться. Эта мерзкая вонь сигары до сих пор ассоциируется с тем садистом, беспомощностью и страхом...

В том, что он садист, я не сомневалась, поймав его взгляд.

И убедилась в этом позже, когда, прижав к стене, заплаканную, он запрокинул мне голову рукой, прижимаясь стальным телом, и на ушко шептал мерзости.

У него был злой низкий голос, полный сладострастия. А в списке желаний были такие вещи, которые не все проститутки за деньги согласятся делать. От его признаний просто трясло.

От ужаса я жмурилась и жарко, испуганно дышала. Его

это только сильнее заводило. Глухарев, злой и растерянный, жался поодаль, отсеченный охраной этого мужика. Ему не нравилось, что со мной делают, но помешать он тоже не мог. И боялся, как и я, только не показывал этого.

– Мы не можем договориться, – говорит он, продолжая тискать мою грудь под платьем, но говорил с Глухаревым. – Так что сейчас я поеду развлекусь с девчонкой. Через пару часов вернусь, надеюсь, к этому моменту ты станешь сговорчивей.

– Я никуда не поеду! – шепчу я, надеясь, что он принял меня за девочку по вызову. – Вы все не так поняли! Я не проститутка!

– Заткнись, – он запечатывает рот рукой, дальше я просто плачу, ощущая неприятные, жестокие и очень сильные руки на смятых губах.

Он все правильно понял.

Просто ему плевать, что меня привезли для украшения вечера, а не в его койку.

– Милана... Можешь съездишь с господами? – вдруг заявляет Глухарев, все взвесив.

Я заливаюсь слезами.

– Перестань, ну что ты как девочка, – говорит он торопливо. – Я щедро заплачу...

Согласие от Глухарева получено, а от меня его и не требовалось.

– Все, успокоилась, – кидает мой новый хозяин на ночь. –

Водки дам, потом ничего не вспомнишь.

Он тащит меня за руку. Захлебываясь слезами, я умоляю Глухарева помочь.

– Не надо! Отпустите, – и прочее в этом духе.

Охранник Глухарева как ни в чем ни бывало выпускает нас в ночь.

– Помогите! – кричу я.

Он просто смотрит сквозь меня, пока меня волокут к джи-пу. Меня швыряют на заднее сиденье, когда к нам кто-то подходит.

Я не вижу кто это, но ору:

– Помогите!

За пределами машины вспыхивает драка. Накрываю голову руками и ползу к противоположной двери. Закрыта! Я съеживаюсь в комок.

Один из них – тот самый садист вдруг падает на машину и пока сползает, я вижу изуродованное лицо в крови. Я не знаю, чем его, но точно не кулаком. И мне не жаль. Кто-то орет снаружи, раздается выстрел, а затем на заднем сиденье меня нащупывает мужская рука.

– Милана... Ты цела?

Это Травин.

Я позволяю вытащить себя из чужой машины.

– Тихо, – шипит он. – Не шуми.

Ведет меня в глубину парковки. На носочках, чтобы не стучать каблуками, бегу следом и прячусь на заднем сиденье

потертой синей «бэхи».

– Сейчас вернусь, сиди тихо, как будто тебя тут нет, понятно?

Травин уходит в темноту.

Я еле дышу от страха и смотрю на тела рядом с джипом. Раздается стон, один из них – кажется тот садист, если не мерещится, пытается отползти, подняться. Травин сильно его избил. Рядом появляется человек – кто он, не вижу, но понимаю, что это глухаревские. Сердце пульсирует от страха.

– Где эта сука?

Неразборчивый ответ. Страшно до дурноты: они обо мне.

– А с этими что делать?

Снова неразборчиво. Что-то о Глухарева. Я додумываю ответ: как решит Глухарев. Они уходят.

Через минуту возвращается Травин, садится в тачку и сдает назад.

– Все нормально. Валим, дорогая.

По тому, как он пялится в зеркало заднего вида, понимаю, что Травин никому не сказал, что я у него в машине. И я безумно ему благодарна за это до сих пор. Он мог вообще не вмешиваться. Бросить тому садисту... И кто знает, что в ту ночь ему пришло бы в голову.

В какой-то глуши, где ни огонька нет, он глушит двигатель.

– Ты как? – Травин поворачивается ко мне.

Блин, я, кажется, влюбляюсь.

У него были очень красивые глаза, но всего подкупала его уверенность. Как будто не он только что избил людей, которых Глухарев вместе с охраной боялись.

Замечаю, что у меня что-то на пальцах.

– Кровь... – шепчу я, снова касаюсь уха и понимаю, что нет моей «серьги победительницы», а мочка порвана.

Это был подарок от жюри – эксклюзивные, очень красивые серьги. И одна осталась где-то там.

– Ничего, сейчас обработаем, – улыбается он.

В этот момент я твердо решаю, что скоро я улечу в Москву всем назло и подальше от этого страшного места. Но сначала – отблагодарю его.

Нежданная влюбленность дала потом совсем неожиданные плоды этой ночи... И сережка тоже всплыла в нужный момент. И события закрутились так, что связали меня по рукам и ногам и я стала женой Глухарева.

Просто, чтобы выжить.

Половину из того, что тогда случилось, пока мы с Димкой трахались, он, кажется, до сих пор не знает. И не понимает, какой опасности подвергает нас всех, в первую очередь – себя...

И нашего сына.

Глава 7

Дмитрий

– Поедем на точку в микрорайон, – говорит водитель, отъезжая от главного офиса Соболевского. – Заберем Таньку, и сможем в банк. Ты первый день сегодня?

– Ага, – Дима закуривает, смотрит в окно, заново знакомясь с городом, от которого отвык за шесть лет. Насчет поездки волнения нет. Обязательно что-нибудь случится. Подставу устроят, чтобы его проверить.

Не волнуется, просто ждет.

Они едут на длинной иномарке с тонированными стеклами. Представительского класса, но не новой. Ей лет пятнадцать, и из-под директорского зада ее списали возить сотрудников второго эшелона по делам.

Авто пролетает по знакомым улицам. Те же тополя вдоль обочины, но все неуловимо изменилось. Новые стройки, новые лица. У всех свои заботы. Он вдруг ощущает жизнь города, которая шла без него и идет сейчас, а он наблюдает за этим с обочины. Нужно было снова вламываться туда, выгрызть себе место под солнцем, кусок хлеба и женщину. Делать то, что полагается мужчине. Только женщина нужна одна, которую уже выбрал.

– На месте, – сообщает водитель. Он нервничает, для него

играет?

На заднее сиденье сажают бухгалтершу с сумкой. Это неожиданно симпатичная женщина средних лет. С бледным лицом и умными голубыми глазами. С первыми следами старения на лице и отчаянной борьбы с ними. Светлые волосы убраны назад в аккуратный хвостик. На ней бело-голубой летний костюм.

– Поехали, Кость, – велит она. – А вы новый охранник? Как вас зовут?

– Дима.

– Приятно познакомиться, я – Татьяна. Надеюсь, удачно доедем.

Он бросает взгляд в зеркало. Женщина устраивается удобнее, пристегивается. Сумку держит на коленях. Вид у нее тревожный. Не испуганный, но тревожный. Впрочем, в компании Соболевского бухгалтер может быть напряженной должностью, и с поездкой это не связано.

– Не переживайте, доставлю в безопасности, – обещает он.

Но от магазина со складом они не успевают отъехать далеко. Всего до соседнего квартала. И там их зажимают на узкой улице, перекрытой грузовиком за углом. Остальные не нервничают, но он понимает, что началось. Грузовик стоит задом, мигает аварийкой.

– Быстро назад, – говорит он сразу, как только видит грузовик из-за поворота. Рефлекс сработал. – Назад быстрее газуй!

Пока водитель врубает заднюю, сзади их подпирает вторая тачка.

– Глухаревские... – нервно шипит водитель. – Татьяна Григорьевна, ложитесь!

– Спокойно, – Димка рассматривает их в зеркало через заднее стекло. – Разберемся, не дергайся. Двери сзади заблокируй.

Из авто выходят трое и вразвалочку уверенно идут к ним. Он усмехается. Бухгалтерша с водителем играют даже слишком натурально. Ну ладно, тетку могли не предупредить. Но водитель точно в курсе о подставе.

Они разделяются и подваливают с разных сторон. Два тела – с водительской стороны, одни – с его. Идут вдоль авто, дергая ручки дверей, бухгалтерша вскрикивает.

– Нам тут машину сожгли, – шепотом делится он. – Парни еле выскочить успели...

– Замолчи, – одергивает Дима.

Одно из тел останавливается перед капотом, широко расставив ноги. Второй становится рядом с водительской дверцей, а последний – с его, пассажирской стороны.

– Кто старший?! – рычат на водителя.

– Я, – отвечает Димка. – Вы не выходите, я разберусь. И за мной запри.

Он без страха выходит из авто, не реагируя на тяжелый взгляд и тупую наглость главного. Уже знает, о чем пойдет речь и как будут развиваться события дальше. На него надо

надавить, заставить отступить.

– Машину убери с дороги, – говорит он, слегка жалея, что у него не такой внушительный вид, какой был у командира. С тем никто спорить не решался. По Волкову он слегка скучал, не хватало его совета, взгляда на жизнь.

Он не боялся, скучающе смотрел по сторонам и до смерти хотелось быть в другом месте. На улице дул приятный весенний ветер, навевая мысли о счастье и Милане.

– Бабки давай сюда, – грубо кидает тот, его напарник дергает ручки двери. Не настроен на беседу, сумку бухгалтерши хотят. – Слышь, ты, умник. Бабки гони или сейчас отпиздим тебя. Скажи своим, чтобы открыли!

Он пытается схватит Травина за горло. Куда больше него, но в основном из-за веса, помимо мышц на бугае полно жира – живот некрасиво выпирает из-под кожаной куртки, пальцы как сардельки. Промахивается. Толстая, как молодое дерево, рука, врезается в машину, проминая крышу. Травин слегка изменил направление кулака, когда тот бил, и теперь берет руку на излом. Здоровяк не умеет драться. Он умеет только бить. Раньше этого хватало, но не теперь.

Травин пропускает его перед собой, со всех сил бросая здоровяка на машину. Пузо прижимается к стеклу, и куртка задирается, открывая пушку за поясом сзади. Травин выдирает ее из-за ремня и прицеливается в ближайшего урода.

– Сумку тебе? – спрашивает спокойно, когда тот поднимает руки.

Второй пятится. В глазах неподдельный страх перед оружием. По весу и ощущениям, запаху металла, Дима понимает, что ствол вполне настоящий. Во время драки он не думал – просто защищал себя и клиентов. Но теперь очевидно, что никакая это не засада Соболевского, подстроенная, чтобы проверить его на практике. Туда натуральные пушки не таскают. И так хорошо не играют.

– Машины отгоните, – повторяет он, заставляя здоровяка лежать на авто, лицом вжимая в холодную крышу. Пальцы сжимаются на его шее так сильно, что едва не сводит.

Можно только на себя злиться, но... В конце концов отработал он нападение нормально.

– Все, все, убираем.

Через салон видно бледное лицо водителя.

Один бежит к их тачке и выгоняет на парковку магазина неподалеку. Грузовик тоже медленно ползет вперед, выключив аварийку. Вокруг уже начали собираются люди. Может, уже ментов вызвали. Несколько секунд он сомневается: вызвать ментов или отпустить этих. Лучше связаться с Соболевским, выяснить у него.

– Позвони шефу, – крикнул он водителю, посомневался, и добавил. – И вызови наряд!

Посоветовавшись с бухгалтершей, тот вышел из машины.

– Уже. Шеф сказал, сейчас приедет. Ну ты, Димка, молодец, – выдохнул он с восхищением.

Здоровяка он связал и уложил на землю. Вытащил сига-

рету, чтобы перевести дух, пока водитель что-то стрекочет рядом.

Соболевский приезжает одновременно с полицией. Пока Травин объясняется с представителями порядка, дает показания, тот просто отирается рядом. Вид такой же встревоженный, если не сказать, перепуганный. Вместо привычного веселья в глазах – напряжение. Травин сдает напавшего, оружие, все трое по очереди дают показания. Это занимает время. Но в конце концов, с ними прощаются, предупредив, что еще могут вызвать. Занимает все это порядка двух часов. Первыми отпускают бухгалтершу и водителя.

Соболевский обалдело смотрит на часы, тяжело вздыхая:
– Ну дела... Ну что, Дим, давай ко мне в машину, поговорить надо.

Они садятся, смотрят друг на друга и Соболевский начинает смеяться. Взгляд недоверчивый, но восхищенный.

– Ну ты молодец. Не ожидал. Заслужил и прибавку, и премию.

Травин не реагирует на похвалу.

– Ты сразу их засек? – продолжает шеф. При опросе он присутствовал и знает общие черты происходящего. – Вообще не думал, что ты так хорошо справишься. Еще и в первый день!

– Сначала я думал, ты их послал.

– Я? – удивляется тот.

– Судя по тому, как все было организовано, я думал, ты

мне проверку устроишь.

– Ну да, – Соболевский немного смущен. – Планировал. Возле банка мои люди должны были типа напасть, изобразить ограбление. Водилу и Таню я предупредил. А оно вон как вышло. Мне, когда сказали, что на вас напали и ты их отделал, полиция приехала, вообще не понял, что к чему! Ты, блин, извини, Дим...

– Это хорошо все, конечно. Только я был безоружный. Из-за твоей тупой проверки мы чуть реально не влетели.

– Да кто ж мог знать... – напряженно выдохнул тот.

– Это интереснее. Подвалили именно к нашей машине. Номера знали, и как тачка выглядят. Знали, что поедем и деньги повезем, готовились. Если ты не каждый день ездешь один маршрутом и в одно время...

– Нет, естественно, все меняем.

– Тебя кто-то из своих слил, Александр. Может, водила. Он какой-то нервный был с самого начала.

– Да ты шутишь, – Соболевский осекся, усмехаясь. – Он у меня пять лет работает. Твою мать...

Он отворачивается к окну и закуривает.

– А может, Таня. Она же всегда в курсе, когда и сколько денег повезет. Или они в доле с водилой. Но это точно не я, раз ты меня, – Дима прикуривает и выпускает в потолок вкусный дым, – проверял, и я ни о чем не знал заранее.

Он кидает взгляд на Соболевского.

– Поговори со своим безопасником. Если доверяешь.

Взгляд Соболевского становится острее. Травин заронил зерно подозрения ко всем сотрудникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.